

СОВРЕМЕННЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Ерофей ТРОФИМОВ

ОРДЕН ЧЕРНОГО СОЛНЦА

Москва
Издательство АСТ

ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т76

Серия «Современный фантастический боевик»

Выпуск 84

Оформление обложки *В. Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Трофимов Е.

Т76 Орден Черного солнца: Роман. — М.: Издательство АСТ; Редакционная группа «Ленинград», 2016. — 352 с.

ISBN 978-5-17-094960-1

...Кажется, Вторая мировая война давно уже закончилась, но иногда старые истории оказываются необычайно живучими. Так произошло и на этот раз: совместная этнографическая экспедиция трех стран в Непале подверглась нападению необычных людей. С этого начались странные и смертельно опасные приключения бывшего сержанта ВДВ...

ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-094960-1

© Трофимов Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

...Остров Рюгер, Германия.

Май тысяча девятьсот сорок пятого года...

Снаряды ложились все ближе к берегу, и майор Отто фон Ривендорф, с ненавистью поглядывая на неуклюжих штатских, которых ему приказали в срочном порядке эвакуировать, громко приказал:

— Mach schnell! Keine Zeit!¹

Не ожидавшие окрика штатские, втянув головы в плечи, заторопились, оскальзываясь на мокрых от морской воды сходнях. Глядя на их неуклюжие движения, майор мрачно скривился и, оглянувшись на стоящего рядом лейтенанта, подумал, что не будь здесь этого хлыща, он давно бы уже приказал расстрелять всех этих подонков, предварительно погрузив на катера всю необходимую документацию.

И плевать, что все это стадо — лучшие светила самых разных наук. Теперь это уже не важно. Третьего рейха, Великой Германии больше нет, а значит, нет смысла кормить всех этих идиотов и саботажников. Столько времени, столько средств затрачено на эти изыскания — и никакого толку. А всего-то надо было расстрелять по человеку из семьи, и они бы начали работать — чтобы сохранить жизнь остальным.

Проект Lebensborn² должен был дать Великому рейху сотни, тысячи юных патриотов. А вместо

¹ Mach schnell! Keine Zeit! — Прибавить шагу! Времени нет! (*нем.*)

² Lebensborn (*нем.*) — руна жизни. Нацистская программа по созданию ферм для массового производства светловолосых голубоглазых детей.

этого — сплошные неудачи и постоянное нытье на нехватку средств и плохие условия. Эти зажавшиеся скоты осмеливались требовать усиленного питания для себя и своих выродков в то время, когда лучшие люди нации голодали, безропотно трудясь для обеспечения фронта.

Два торпедных катера, в трюмы которых уже загрузили все оборудование и документацию, были готовы в любой момент сорваться с места и уйти в холодные балтийские воды. Отправку задерживали только эти неуклюжие штатские, не умеющие даже на ногах толком держаться.

Эта мысль промелькнула у майора, когда один из ученых, поскользнувшись на сходнях, чуть не рухнул в воду, в последний момент удержавшись за леер. И это научный цвет нации! Лучшие умы великой державы, продолжал размышлять майор. Больше всего ему сейчас хотелось выхватить из кобуры свой любимый люгер и выпустить в эту никчемную толпу всю обойму.

Но это были только мечты. Служа Великой Германии не за страх, а за совесть, майор с самого начала был участником этого проекта — занимался охраной и обеспечением, и за все время своей службы умудрился не получить ни одного замечания. Майор фон Ривендорф был истинным патриотом своей страны.

Наконец дождавшись, когда последний штатский окажется на борту, майор оглянулся на недавно присланного лейтенанта и, улыбнувшись одними губами, произнес:

— Вот и все, лейтенант. Пора.

Худощавый лейтенант выждал, пока на палубу катера взойдет старший по званию, и только после этого спокойно, словно на прогулке, поднялся сам.

Майор уже давно за ним наблюдал и не мог не оценить выдержку и хладнокровие молодого офицера. Что ни говори, а этот лейтенант с узким шрамом на левой щеке был истинным арийцем: высокий, подтянутый, светловолосый, с холодными голубыми глазами, он словно олицетворял тот результат, к которому должны были стремиться ученые, работавшие в этом проекте.

Матросы быстро убрали трап, и катера отвалили от пирса. Мощные, усовершенствованные моторы взревели, и суда устремились в открытое море. Убедившись, что все ученые находятся в своих каютах и на палубе никто не остался, лейтенант откашлялся, привлекая внимание командира, и, коснувшись рукава майора, сказал:

— Герр майор, я должен рассказать вам кое-что. Мне сообщили об этом перед приездом сюда.

— Что, сейчас? Здесь? — скривился майор.

— Это конфиденциальная информация. Я получил четкие инструкции и просто выполняю приказ. Пройдемте к борту — нас не должны слышать, — ответил лейтенант.

Как дисциплинированный солдат, майор, услышав волшебное слово «приказ», коротко кивнул и решительно направился к борту, пытаясь предугадать, что именно может сообщить ему этот выскочка. Проверив, что рядом никого нет, а ящики с оборудованием надежно скрыли их от находящихся в рулевой рубке, лейтенант сунул руку в карман и, чуть улыбнувшись, произнес:

— Перед отъездом я получил однозначный приказ. Как говорят американцы, ничего личного.

С этими словами он одним плавным движением выхватил из кармана небольшой никелированный вальтер. Пистолет тихо хлопнул, и майор

Отто фон Ривендорф стал медленно заваливаться назад, так и не успев выхватить из кобуры любимый люгер. Пуля пробила ему переносицу, и потомок тевтонских рыцарей умер раньше, чем успел понять это.

Перевалившись через леер, майор рухнул в свинцовые воды. Рев моторов скрыл и выстрел, и всплеск падения. Убрав пистолет, лейтенант задумчиво посмотрел на пенный бурун и, чуть улыбнувшись, добавил:

— Там, наверху, кое-кто решил, что вы слишком много знаете, а перебазировка освобождает проект от необходимости ваших услуг.

Капитан судна, появившийся на палубе, сообразил, что не хватает ведущего офицера, и подошел к замершему словно статуя лейтенанту; выглянув на всякий случай за борт, он поинтересовался:

— Куда подевался майор, лейтенант?

— Майор Отто фон Ривендорф не смог стерпеть поражение немецкого оружия и, передав мне все дела, умер как истинный солдат. Он застрелился. Только что.

— Вот как? — с сомнением произнес капитан, но наткнувшись на холодный взгляд офицера СС, прикусил язык.

— Именно так, капитан. А теперь прочтите вот это и приступайте к выполнению новых инструкций.

С этими словами лейтенант достал из внутреннего кармана толстый пакет и, передав его капитану, поднял воротник, защищаясь от холодного балтийского ветра. Дождавшись, пока моряк прочтет инструкции, он, чуть усмехнувшись, посмотрел тому прямо в глаза:

— Вопросы?

— Никак нет, герр лейтенант, — скрипнув зубами, ответил моряк. — Разрешите прокладывать новый курс?

*...Высокогорье на границе Непала,
Китая и Индии. Конец девяностых...*

Номер тысяча сто одиннадцать бежал, оскальзываясь на влажных камнях, то и дело рискуя свернуть себе шею на крутом склоне горы. За его спиной, где-то в ущелье, пройденном несколько часов назад, раздавался остервенелый собачий лай и резкие команды на гортанном, обрывистом, как все тот же давно осточертевший лай, языке.

Добравшись до крошечного ручья, номер тысяча сто одиннадцать рухнул на колени и, жадно глотнув несколько горстей ледяной воды, затравленно оглянулся. Бежать дальше сил уже не было. Хотелось просто упасть на стывшие камни и тупо смотреть в бездонное голубое небо — до тех пор, пока один из преследователей не приставит к голове автомат и не нажмет на курок.

Однажды он видел такое. Один объект, выбившись на работе из сил, упал на камни, и охранник, без долгих разговоров, просто пристрелил его, избавив от дальнейших мучений. Но тот объект не пытался бежать. Он просто лег, и все. А он, номер тысяча сто одиннадцать, осмелился на побег! Скорее всего, его затравят собаками. Огромными, свирепыми овчарками, специально натасканными выслеживать беглецов.

Объекты. Именно так их называли охранники и люди в белых халатах, регулярно проводившие на них какие-то эксперименты. Все собранные в замке

дети не имели имен, не знали грамоты. С самого рождения, едва научившись обслуживать себя самостоятельно, они отправлялись в зону. Так охранники называли сеть огромных пещер, разделенных решетками на отсеки. Двухъярусные нары с соломенными матрацами — вот и вся обстановка.

Кормежка два раза в сутки и работа от зари до зари без выходных. Они делали всё. Убирали бесконечные коридоры вырубленного в скале замка; выращивали овощи и просо — единственный злак, вызревающий в условиях высокогорья; строили или сносили стены: хозяева постоянно перестраивали замок. Целей перестройки он не знал. Как, впрочем, и никто из объектов. Работа была единственным развлечением и наукой, которую постигали дети.

От нее освобождали только отправляемых в лабораторию, что случалось регулярно. Для чего отправляли других, он не знал, да и не очень-то интересовался. Он давно уже понял, что опыты бывают болезненные и не очень: одни оставляли жить дальше, после других не выживали. Впрочем, и это не особо их интересовало. Ведь другой жизни они просто не знали.

Собачий лай приближался. Номер тысяча сто одиннадцать заставил себя подняться и на подгибающихся от усталости ногах двинулся дальше. За огромными валунами послышалось эхо азартного повизгивания, и он понял, что собак спустили с поводков. Погоня подходила к завершающему этапу. Быстро осмотревшись, номер тысяча сто одиннадцать свернул с козьей тропы и прямо по каменистому склону двинулся в долину.

Неожиданно перед ним появилась узкая глубокая расселина, по дну которой стремительно несся речной поток. Это был конец. Перепрыгнуть ее

не хватит сил, идти по краю означает оставаться на виду у преследователей, подниматься в горы уже нет времени. Услышав за спиной тяжелые шаги и скрежет железа по камню, он растерянно посмотрел вниз и, глубоко вздохнув, опустил голову. Не получилось.

Все, чего он хотел — избавиться от болезненных опытов и посмотреть, что находится за стенами замка. Он не знал, куда и зачем бежит. Просто бежал, задыхаясь от страха и пьянящего чувства свободы. Но теперь все кончилось. Его догнали, и все свидетели его побега многократно порадуются, что не последовали за ним.

— Halt! Hier, schnell!¹

Прозвучала отрывистая команда, и номер тысяча сто одиннадцать вздрогнул от ненависти. Бросив на преследователей долгий угрюмый взгляд, он еще раз оглянулся на стремительный водный поток и, вздохнув, шагнул с обрыва в расселину. Преследователи, высокие светловолосые люди в черной униформе без знаков различия, дружно охнули и, осторожно подобравшись к краю, мрачно переглянулись.

— Грязный полукровка, — проворчал один из преследователей, — что мы теперь этому профессору скажем?

— Расскажем, что было, и пусть удавится от злости. Меня больше волнует не его мнение, а реакция настоятеля, — решительно ответил высокий, с неизменно широкими плечами солдат.

Взгляд его светло-голубых глаз был невозмутимо спокойным и чуть презрительным. Неопределенно пожав плечами, задавший вопрос охранник повесил

¹ Halt! Hier, schnell! — Стой! Сюда, быстро! (нем.)

автомат на плечо и молча направился в обратную сторону. Задумчиво покосившись на расселину, гигант развернулся и зашагал следом.

...Южная Африка. Конец девяностых...

Лиза Анхинг, профессор генетики, рывком сдернула с рук латексные перчатки и, швырнув их в корзину для мусора, устало закурила. Курение в лаборатории было категорически запрещено, но сейчас ей было плевать на запреты. Уже пятый подопытный умирал раньше, чем она успевала получить необходимое для исследований количество генетического материала.

Как ни противно признаваться, но это был полный провал. Откинув со лба прядь волос цвета выбеленного хлопка, она резким движением погасила сигарету и, быстро поднявшись, разблокировала дверь лаборатории. Выглянув в коридор, Лиза окликнула звероподобного охранника и, небрежно ткнув пальцем себе за спину, приказала:

— Уберите отсюда эту падаль и позовите кастеляна.

Не дожидаясь, пока охранник приведет уборщиков, Лиза развернулась и, сунув руки в карманы халата, направилась в свой кабинет. Чашка крепкого кофе и бокал коньяку — вот что ей сейчас требовалось, чтобы успокоиться и как следует все обдумать. Шагнувший к коммуникатору охранник остановился и, проводив ее долгим плотоядным взглядом, удрученно вздохнул.

Лиза почувствовала этот взгляд и, презрительно усмехнувшись, подумала: «Тупое животное! Интеллект выше пояса никогда не поднимался».

Сознавая, что красива, она давно уже привыкла к подобным взглядам и считала их лишь комплиментом ее родителям. Им действительно удалось создать настоящий шедевр. Высокая, под метр восемьдесят пять, с подтянутой фигурой атлетки, крепкими бедрами и высокой грудью, она с ранней юности привыкла к вождедеющим мужским взглядам.

Еще подростком она их замечала, причем даже со стороны мужчин весьма значительно старше нее. Это ее мало волновало. Она вообще не считала секс чем-то из ряда вон выходящим. Для нее это был лишь акт, необходимый для продолжения рода. Впрочем, наука не стоит на месте и, по мнению Лизы, очень скоро и без этого этапа можно будет обходиться.

Сосредоточенная на работе, она не собиралась тратить время на подобные пустяки. Ее цель — задача, ради которой несколько поколений ее предков добровольно ушли и оставались в изгнании, — была важнее всего. Думать иначе для Лизы означало предать память родителей, воспитывавших ее в духе служения великой идее.

В кабинете она включила кофеварку и, плеснув в бокал немного коньяку, рухнула в кресло. Как только ароматная коричневая жидкость с шипением полилась в фарфоровую чашку, Лиза, уже предвкушая напиток, со вздохом поднялась на ноги. Но насладиться коротким отдыхом ей не дали.

Дверь без стука распахнулась, и появилась женщина в черной монашеской сутане, с мрачным, высокомерным выражением на морщинистом лице. Недобрительно глянув на бокал и кофейную чашку, она решительно прошла в кабинет и, прикрыв за собой дверь, спросила:

— Опять не получилось?

— Опять, — нехотя кивнула Лиза. — Эти девки мрут как мухи. Такое впечатление, что их уже приводят полумертвыми.

— Что ты хочешь этим сказать? Что мы умышленно поставляем тебе негодный материал? — Лиза расслышала в голосе монашки неприкрытую угрозу.

— Я этого не говорила, — мрачно насупившись, ответила она, стараясь не опускать взгляда. — Но для эксперимента нужны сильные, абсолютно здоровые особи. А мне приводят изнуренных работой заморышей.

— Они должны работать. Или ты хочешь, чтобы за них работали люди высшей расы?

— Я этого не говорила, — возразила Лиза, упрямо покачав головой. — Я всего лишь прошу хотя бы на неделю освободить от работ отобранные объекты, чтобы они не подыхали еще до первого забора крови. На каждый эксперимент мы тратим огромные средства, а на выходе — нуль.

— Твои слова идут вразрез с уставом нашего заведения, — процедила монахиня, поджав бескровные губы.

— Я же не прошу совсем освободить их от работы, — вздохнула Лиза, начиная очередной этап бесконечного спора. — Я прошу только изменить их подготовку к эксперименту.

— Я передам твою просьбу хозяину. Но не думаю, что он позволит нарушать заведенные порядки, — ответила монахиня, скривившись так, словно проглотила лимон.

Круто развернувшись, она вышла из кабинета. Когда дверь за ней закрылась, Лиза тихо прошептала:

— Старая сука! Такие, как ты, только мешают заниматься делом. Тварь! — Последнее слово она

выплюнула, давая выход накопившемуся раздражению.

Достав из пачки очередную сигарету, Лиза закурила и, выпустив дым по направлению к двери, проворчала, испытывая настоящее удовольствие от нарушения очередного запрета:

— Задохнись, старая калоша!

* * *

Распустив узел страховки и отстегнув карабин, Алексей устало вздохнул. Оглянувшись на собравшихся в кучу умников, он мрачно скривился: это надолго. Теперь вся эта толпа взрослых, можно даже сказать, умных людей будет несколько дней подряд размахивать трясущимися руками, с пеной у рта отстаивая теории, которые сыпались из них как из рога изобилия: фрагмент рисунка на найденном в пещере кусочке кожи отдаленно напоминал мандалу¹! Алексей не понимал этих ученых: найдут какой-нибудь черепок и визжат от восторга, словно золотой самородок нашли. Впрочем, он давно уже привык к их закидонам. Как ни крути, а третий год по всему миру с ними катается, всякого повидал.

Так что вполне может быть, что найденный артефакт действительно окажется той самой тангка², о чем они все уже полчаса талдычат. Привычно смотав веревки, Алексей по-хозяйски прибрал снаряжение в рюкзак, внимательно посмотрел на вершину горы, затягивавшуюся туманом, и удрученно покачал головой: судя по всему, в лагерь умников

¹ *Мандала* — мистический символ Вселенной, круг с вписанным в него квадратом с изображением божества.

² *Тангка* — тибетская буддийская икона; пишется на мягкой поверхности, ткани, коже, коре.